

ИЗ ИСТОРИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ СТУДЕНТОВ г. ТОМСКА В НАЧАЛЕ XX в.

Деятельность сибирского студенчества, принимавшего активное участие в общественной жизни края в начале XX в., издавна привлекала к себе внимание исследователей. Но по сложившейся историографической традиции студенческое движение, как и общественное движение в России в конце XIX – начале XX в. в целом, рассматривалось советскими историками в границах только двух течений: революционно-демократического и либерально-буржуазного (оппозиционного). При таком подходе монархически-охранительное движение почти постоянно выпадало из среды активно-общественных сил¹. Меж тем воссоздание полной картины участия вузовской молодежи в общественном движении в крае невозможно без обращения ко всем слагаемым его пестрого политического спектра, в том числе и в его право-монархической части.

Данное исследование посвящено достаточно слабо изученной странице в истории сибирского студенчества – существованию в молодежной среде в начале XX в. так называемого «академического» или правого крыла.

Академические корпорации – студенческие организации черносотенного толка – впервые появились в России в ходе революции 1905-1907 гг. Официально они считались внепартийными объединениями, но реально находились под покровительством правонационалистических организаций, таких как Союз русского народа или Русский народный союз имени Михаила Архангела, оказывавшим им организационную и финансовую помощь. Крайне правые всячески стремились расширить свое влияние на вузовскую молодежь, о чем свидетельствует, например, состоявшийся в январе 1907 г. студенческий съезд СРН². Призывы академистов к восстановлению учебных занятий, лозунги «Долой политику! Вон ее из высшей школы!», «Школа только для науки!» встречали поддержку со стороны Совета министров, Министерства народного просвещения и местных властей. Делегации студентов-монархистов были приняты премьер-министром П.А. Столыпиным и императором Николаем II.

Заметная активизация деятельности академистов в столичных вузах относится к 1908 г., когда в условиях усиления реакции очевидным становится разочарование студенчества в итогах революции, отход значительной части молодежи от активных форм борьбы, психологическая усталость от радикальных действий. Усиленная работа монархических партий в студенческой среде шла в условиях наступления правительства на автономию высшей

---

¹ Блинов Н.В. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895-1917 гг. Вып. 2. Томск, 1995. С. 3.

² Завадский Н.Г. Студенчество и политические партии России в 1901-1914 гг. СПб., 1998. С. 128.

школы, и для сохранения лояльности вузовской молодежи именно студентам-черносотенцам оказывалась широкая моральная и финансовая поддержка. Организационное оформление академического движения также происходило при участии правых партий. Так, по свидетельству одного из лидеров академического движения в России Г.И. Кушнырь-Кушнарера, идея создания объединения академистов была поддержана известным черносотенцем В.М. Пуришкевичем. 4 октября 1908 г., во время проведения Всероссийской студенческой забастовки, в Главной Палате Русского народного союза имени Михаила Архангела состоялось совместное заседание членов Главной Палаты, членов правой фракции Государственной думы и приглашенных студентов Политехнического, Лесного, Горного институтов и Санкт-Петербургского университета. На этом заседании был организован Академический союз, объединивший корпорации различных учебных заведений³.

Пожалуй, главная причина создания подобной объединенной организации заключалась в том, что Всероссийская студенческая забастовка 1908 г. показала неспособность крайне правых оказать серьезное влияние на студенческое движение. Им не удалось противопоставить студентам – забастовщикам сколько-нибудь серьезные аргументы. По мнению исследователя Н.Г. Завадского, после завершения забастовки черносотенцы пересмотрели свою тактическую линию с целью завладеть большинством беспартийного и политически пассивного, но стремившегося к улучшению своего экономического положения студенчества. Движение за улучшение своего положения развивалось среди студентов и ранее, но теперь правые партии хотели превратить борьбу студентов и их организации в «чисто академическое движение». Это должно было, в свою очередь, трансформировать академическое движение студентов в политическое, но выдаваемое за экономическое⁴.

О наличии подобной цели свидетельствует, например, деятельность академического студенческого клуба, который возник в 1909 г. с разрешения Совета министров как культурный центр студентов – членов академических корпораций Петербурга. Студенческий клуб организовывал досуг молодых людей (при нем работал ряд кружков, таких как технический, экономический, шахматный, хорового пения, спортивный и др.), имел свою библиотеку, столовую, бюро труда для подыскания дополнительных заработков корпорантам, издавал свой журнал⁵. Поддержку в этом отношении академисты получили и со стороны правительства. Так, например, министр народного просвещения А.Н. Шварц предоставил право проведения вечеров для сбора средств в пользу материально необеспеченных студентов только группам академистов-монархистов⁶.

³ Кушнырь-Кушнарер Г. И. Исторический очерк возникновения и развития академических организаций в России. СПб., 1914. С. 16-20.

⁴ Завадский Н.Г. Указ. соч. С. 129.

⁵ Отечественная история: энциклопедия. Т.1. М., 1994. С. 40.

⁶ Сибирские вопросы. 1911. № 2-3. С. 76-77.

Но даже изменение тактики не привело к резкому увеличению количества сторонников правых партий в студенческой среде. По данным проведенного в 1909/1910 учебном году опроса студентов С.-Петербургского технологического института, к сторонникам умеренно-правых себя отнесли 1,9%, октябристов – 2,3%, членами СРН назвал себя 1% от общего числа опрошенных⁷. Эти сведения подтверждаются и исследователем Н.Г. Завадским, по подсчетам которого за период с 1907 г. по 1914 г. удельный вес сторонников правонационалистических партий и монархистов составлял всего около 4 % от общей массы российского студенчества⁸. Однако в ряды академистов входили не только, например, члены СРН, но и беспартийные студенты, не имевшие ярко выраженных политических симпатий. Поэтому количественный состав академических объединений был шире и, по сведениям Министерства народного просвещения, с созданием академических корпораций под влияние черносотенцев подпали уже около 8 – 10 % студентов⁹.

При этом стремление академистов содействовать правительству в деле ослабления студенческого движения и сохранения устаревшей системы образования, их монархическая и антисемитская пропаганда зачастую вызывала явную ненависть по отношению к ним со стороны студенчества и значительной части профессорско-преподавательского состава вузов. Как отмечал член Совета министра народного просвещения С. Спешков, несмотря на возрастание в 1908 г. значения студентов-академистов, они «не всегда находили поддержку среди профессоров»¹⁰. Стремление черносотенцев поддержать наступление правительства на автономию высшей школы не могло способствовать появлению в студенческой среде большого количества их сторонников. О крайне негативном отношении студентов к черносотенцам свидетельствовала и сама право-монархическая печать. В частности, газета «Томские губернские ведомости» в 1907 г. в заметке под заголовком «Храбрый студент» сообщала о том, что «из тысячи студентов Ярославского... юридического лица нашелся один, который, вступив в Союз русского народа, не только не скрывал этого, но... открыто заявлял о своих убеждениях... Для союзника русского народа настало тяжелое время: ежедневные оскорбления и издевательства с постоянным риском быть избитым или же даже предательски убитым из-за угла»¹¹.

Необходимость защиты своих взглядов привела к условному разделению академистов на боевых академистов-черносотенцев и «чистых академистов», выступавших против внесения политики в высшую школу.

---

⁷ Бернадский М.В. К характеристике современного студенчества. СПб., 1910. С. 16.

⁸ Завадский Н.Г. Указ. соч. С. 113.

⁹ См.: Рогозин И.И. Политическая борьба за молодежь России (1903 – 1917 гг.). М., 1989. С. 57.

¹⁰ РГИА. Ф. 740. Оп. 43. Д. 47. Л. 118.

¹¹ Томские губернские ведомости. 1907. № 25.

В Томске, где позиции монархических партий были слабы, организационное оформление академической корпорации происходило позднее, чем в Европейской России – в ходе студенческих волнений 1910-1911 гг., когда политическое размежевание студенчества достигло высшей точки. Но предпосылки ее возникновения сложились ранее, в предшествующий период.

После завершения первой российской революции, осенью 1907 г., в условиях непрекращавшихся студенческих волнений, занятия в томских вузах не смогли войти в нормальное русло. В 10-х числах ноября 1907 г. на стенах Томского технологического института в числе других появилось объявление от имени студентов, выступавших за порядок в институте и «правильную студенческую жизнь». Под объявлением подписались 66 человек, желавших «мирно продолжать учебные занятия». Скорее всего, это были не академисты, а в большинстве люди просто желавшие учиться, но по дошедшим до Совета технологического института сведениям, подписавших это объявление хотели предать товарищескому суду, так как они не имели права вывешивать объявления без разрешения ЦСО (выборный Центральный студенческий орган, фактически руководивший действиями студентов. – О.И.)¹².

Сторонники продолжения учебных занятий были активно поддержаны томскими монархистами, которые постоянно использовали практику посылки телеграмм высшему руководству страны с просьбами навести порядок в вузах. Например, в 1907 г премьер-министру П.А. Столыпину была отправлена телеграмма от общего собрания членов Томского Русского народного общества. Текст телеграммы гласил: «Высшие учебные заведения империи превращены в очаги революции, в которых молодое поколение систематически развращается... Общее собрание Русского народного общества в Томске просит Ваше Высочайшее превосходительство силой государственной власти водворить в наших несчастных школах порядок, лишив их возможности делать революцию на казенный счет»¹³.

В период реакции в томских вузах легально или нелегально продолжали действовать так называемые «кружки самообразования» (первый – социал-демократический, второй – социал-революционный, третий – конституционно-демократический). Несколько позже к ним добавился четвертый кружок – академический, в который вошли сторонники прекращения «беспорядков» в высшей школе. Именно на них и ориентировались томские монархисты. 18 октября 1908 г., во время проведения Всероссийской студенческой забастовки, председатель Томского отдела СРН Дм. Малышев направил министру народного просвещения телеграмму в поддержку академистов. «Горсть томского студенчества снова насильно снова закрыла высшую школу, - говорилось в ней. - Лучшая часть снова жаждет правильного учения, но не находит себе поддержки. Томский отдел Союза русского народа умоляет вас: ради Бо-

¹² ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1907. Д. 77. Ч. 5. Т. 2. Л. 104.

¹³ Томские губернские ведомости. 1907. № 26.

га, ради будущности русской науки помогите им, укротите бастующих, устраните недостойных учителей, явите справедливость и необходимую строгость. Продолжайте безбоязненно, твердо, неуклонно, начатое столь мудро дело спасения школы, не ослабляя ни на минуту принятых мер»¹⁴. Подобные мысли звучали и в посланной одновременно телеграмме в адрес П.А. Столыпина: «В Томском университете, как и в других высших учебных заведениях Империи снова прекратились занятия... Томский отдел Союза русского народа... просит Ваше Высокопревосходительство положить конец расстройству высшей школы всей мощью государственной власти»¹⁵.

Результат подобной поддержки оказался во многом противоположным ожидаемому. Крайне негативное отношение сибирской вузовской молодежи к черносотенцам вообще проявилось в том, что томские академисты оставались весьма немногочисленной группой в составе студенчества. Активизация их деятельности относится только к периоду студенческих волнений 1910-1911 гг., когда 4-й кружок самообразования, действуя под лозунгом «Школа для науки», осудил забастовку в Томском технологическом институте, начавшуюся на почве недовольства студентов новыми учебными правилами. Руководство кружка обратилось к директору института за разрешением устраивать собственные сходки для противодействия забастовщикам¹⁶.

Принятое академистами решение сдавать экзамены вызвало недовольство остальных студентов, поскольку противоречило принятым ранее резолюциям. Противостояние сторонников и противников забастовки было настолько сильным, что Совет института решил на несколько дней прекратить в нем занятия, так как, по мнению попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева, если бы в разных местах состоялись сходки под забастовочными и антизабастовочными лозунгами «то, очевидно, дело дошло бы до рукопашной»¹⁷.

10 декабря 1910 г., в день начала экзаменов, студенты-технологи собрались на сходку, на которой решено было прекратить занятия до 10 января 1911 г. После ее проведения в вузе было распространено воззвание: «Товарищи! Не экзаменуйте! Будьте солидарны с большинством! Не вынуждайте срывания экзаменов!»¹⁸. Воззвание было явно направлено против академистов.

Наибольшего размаха выступления вузовской молодежи Томска достигли в начале 1911 г., что было связано с ее участием во Всероссийской студенческой забастовке. 17 января 1911 г. на сходке в Томском технологическом институте, собравшей около 500 человек,

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 156. Л. 41.

¹⁵ ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1908. Д. 77. Ч. 5. Л. 48.

¹⁶ РГИА. Ф. 174. Оп. 3. Д. 353. Л. 45.

¹⁷ РГИА. Ф. 741. Оп. 3. Д. 353. Л. 46.

¹⁸ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 140.

было принято решение прекратить занятия до 1 сентября 1911 г. в знак протеста против усиления реакции, политики правительства и вмешательства полиции в студенческую жизнь¹⁹. Члены 4-го (академического) кружка самообразования заявили о неподчинении решениям сходки и продолжении занятий, поскольку они «не признают сходок явочного порядка» и «политические призывы считают провокацией»²⁰. Газета «Сибирская жизнь» сообщила, что к занятиям действительно приступила небольшая группа академистов²¹.

Местные власти попытались сразу же пресечь выступления вузовской молодежи. Во время проведения сходки в институт была введена полиция, которая переписала имена 375 ее участников. 373 из них были исключены из учебного заведения.

Начавшаяся забастовка показала, с одной стороны, усилившуюся тенденцию к объединению в среде вузовской молодежи. Так, стачечные комитеты Томского университета и Томского технологического института проводили совместные действия и выпускали воззвания за подписью «Стачечные комитеты университета и института», распространявшиеся в зданиях обоих вузов²². Но, с другой стороны, объявленная забастовка усилила политическое размежевание среди студентов, способствовав выделению в нем нескольких течений, прямо или косвенно разделявших программные установки определенных политических партий.

Фактический срыв забастовки академистами встретил решительный отпор со стороны значительной части студенчества. Число экзаменующихся в технологическом институте было невелико, а их имена заносились противниками академистов в вывешивавшийся в вузе список "К позорному столбу". О наличии существенных разногласий в студенческой среде и негативном отношении к академистам в целом свидетельствовал факт появления в институте объявлений, в одном из которых студент-академист Н.Голубов заявлял, что он будет заниматься, на оскорбление ответит тем же, на насилие - насилием. В объявлении другого студента - Девнера, говорилось, что он не был на сходке 17 января, но просит занести его в число исключенных, чтобы не прослыть академистом²³.

Выделение противников стачки в особую группу, фактически противопоставившую себя остальному студенчеству, логично завершилось окончательным организационным оформлением в Томске академической корпорации как антизабастовочной организации черносотенного толка. Событие это оказалось настолько значимым для сибирского студенчества, что попало на страницы местной печати. В частности, газета «Сибирская жизнь» сообщила о состоявшемся в начале февраля 1911 г. на квартире многолюдном собрании студентов Томского технологического института и Томского университета, во время которого было решено

---

¹⁹ Родной край. (Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области). Томск, 1974. С. 154.

²⁰ Омский телеграф. 1911. 26 янв.

²¹ Сибирская жизнь. 1911. 19 янв.

²² ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 52-53; ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 30.

выработать устав академической корпорации и подать его на утверждение губернатору²⁴. Об этом же восторженно писал и журнал столичных академистов «Вестник студенческой жизни»: «Неожиданно для большинства студентов здесь (т.е. в Томске. – О.И.) организовалась академическая группа, учредительное собрание которой было 6 февраля. На этом собрании было 49 человек, которые выработали устав и избрали председателя (П.А. Сабурнов) (фамилия искажена, правильно – П.А. Сабунин. – О.И.) и членов правления. Все это – студенты-технологи... 13-го числа появились воззвания от академической корпорации студентов Томского технологического института, призывающие к труду и науке. Студенты-забастовщики были ошеломлены»²⁵. В указанном воззвании, вышедшем с заголовком «К студенчеству», выражался также протест против внесения политики в учебную жизнь высшей школы. Чрезвычайно быстро, уже 11 февраля 1911 г., академическая корпорация была утверждена губернским правлением²⁶.

С момента своего создания академическая корпорация в Томске пользовалась поддержкой как местных властей, так и Министерства народного просвещения, которое выразило уверенность в том, что академическая корпорация студентов технологического института «вскоре привлечет к себе широкие симпатии той части студенчества, которая стремится в школу не для политики, а для приобретения знаний»²⁷. На необходимость поддержки академистов указывал и начальник Томского губернского жандармского управления. В марте 1911 г. он писал попечителю Западно-Сибирского учебного округа: «Несомненно, группа студентов-академистов в жизни технологического института представляет желанное явление и, будучи совершенно беспартийной... она, по всей вероятности, разовьется и явится залогом спокойствия в институте в будущем»²⁸.

Однако аполитичность академистов была только внешней. Присутствовавший на собрании членов академической корпорации 27 февраля 1911 г. пристав отмечал, что в выработанный на собрании проект воззвания к обществу вошли такие положения, как отсутствие политики в высшей школе, девиз «Школа только для науки», открытость организации для всех «без различия религии и национальности». Но из частных разговоров выяснилось, что правление корпорации будет придерживаться принципа: ни под каким видом не допускать в корпорацию евреев. Приставом было сделано заключение о желательности таких собраний, поскольку «деятельность их не противоречит тенденциям правительства»²⁹.

²³ Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института Императора Николая II на поприще "освободительного движения" 1901-1911 гг. Т., 1911. С. 113.

²⁴ Сибирская жизнь. 1911. 9 февр.

²⁵ Вестник студенческой жизни. 1911. № 6-7. С. 28.

²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71; Сибирская жизнь. 1911. 15 февр.

²⁷ ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 110. Л. 6.

²⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2588. Л. 62.

²⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 73-74.

Промонархический и проправительственный характер организации выразился в посылке ее членами П. Сабуниним, К. Крохалевым, В. Крохалевым и Б. Тюльпановым в мае 1911 г. верноподданнической телеграммы царю, в ответ на которую была получена благодарность императора. В июне 1911 г. академической корпорации студентов Томского технологического института была направлена благодарность министра народного просвещения «за стремление поддержать правильные учебные занятия»³⁰.

Но деятельность академической корпорации в Томске получила положительную оценку только со стороны властей. Отношение к ней со стороны руководства технологического института и студентов оставалось крайне негативным. Так, при рассмотрении устава корпорации 16 февраля 1911 г. Совет профессоров Томского технологического института отказал ей в праве «ходатайствовать о некоторых изменениях» академической жизни в институте, заявив, что корпорация является «посторонней организацией», так как утверждена не руководством вуза, а губернской администрацией³¹. Студенты же прямо обвиняли членов академической корпорации в провокаторстве. В частности, студент Н. Зудов в студенческой столовой публично заявил, что академическая корпорация - это «собрание черносотенцев и провокаторов, получающих жалование от купца Малышева (одного из лидеров Томского отдела Союза русского народа. – О.И.)»³². В листовке, выпущенной «Группой левых беспартийных» 22 января 1911 г. по поводу исключения из института 373 человек за сходку 17 января 1911 г., указывалось: «События последних дней нам показали, что томское студенчество верно своему лозунгу: «Один за всех и все за одного». Томское студенчество показало, что оно во всей своей массе, за исключением мизерной группы 4-го кружка, еще не опустилось настолько, чтобы молча переносить все, что творят служители русского самодержавия... Группа 4-го кружка/ с/амообразования/ взяла на себя грязную роль, роль полицменов и шпииков – указать тех, кто голосовал за резолюцию 17 января»³³. Участник событий студент-технолог К.И. Джапаридзе впоследствии вспоминал: «Изо дня в день, благодаря неопытности и доверчивости студентов и тщательной бдительности академистов, из нашей среды вырывались охранкой лучшие работники. Озлобление против академистов достигло огромных размеров, иногда это выливалось в самые нежелательные эксцессы, вплоть до рукоприкладства»³⁴.

Отсутствие поддержки со стороны общества, студенчества и профессуры отмечали и сами томские академисты. Так, в письме, отправленном академической корпорацией студентов Томского технологического института в Общество содействия академической жизни

³⁰ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 1-3, 8.

³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71; Ф. 126. Оп. 2. Д. 2588. Л. 78.

³² ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 73-74.

³³ Цит. по: Путь борьбы. Вып. 1. Томск, 1923. С. 13.

высших учебных заведений в ноябре 1911 г., говорилось: «Академическая корпорация студентов Томского технологического института... с самого начала своего возникновения была поставлена в положение гонимого элемента. Профессура института... считает позором, что в стенах института появились академисты... Ведя борьбу с забастовавшими студентами, членам корпорации не раз приходилось наталкиваться на активное противодействие со стороны некоторых профессоров и преподавателей... Что же касается отношения к корпорации со стороны со стороны томского общества и сибирского вообще, то... Сибирь и, в частности, Томск, в лице значительной их, так называемой, интеллигенции, сильно разбавленной еврейским элементом, далеки от стремления к национальному самосознанию и всего того, что дорого русскому сердцу. Вследствие этого, организации порядка и законности здесь настолько слабы, что не имеют даже ни одного серьезного органа печати. Таким образом, томским академистам пришлось и приходится существовать совершенно самостоятельно и чувствовать себя в положении какого-то заброшенного оазиса среди безразличной и даже злобной пустыни»³⁵.

Причины столь негативного восприятия академического движения в Томске во многом были связаны с иной расстановкой здесь политических сил. Исследователь Н.Г. Завадский, характеризуя ситуацию в вузах европейской части России, отмечает: «Стремление крайне «правых» усилить свое влияние на учащуюся молодежь можно объяснить тем, что среди них было немало лиц, принадлежащих к академическому миру. Быть профессором и членом Союза русского народа в это время было довольно обычное явление, а вот студент – редкость»³⁶. В удаленной от центра страны Сибири ситуация складывалась иная. Профессора-черносотенцы, так же как и студенты-монархисты, были здесь исключением из правил. Большинство томских профессоров прямо или косвенно разделяли программные установки конституционно-демократической партии.

Академическая корпорация представляла собой правый фланг студенческого движения. Но наряду с академистами среди томских студентов выделилась и другая группа противников вовлечения высшей школы в политику, которая разделяла либеральные лозунги и призывала ограничиться чисто академической борьбой. Организационного оформления эта группа не получила. Она выражала скорее настроения части вузовской молодежи. Примером ее деятельности может служить появление в январе 1911 г. в Томском технологическом институте воззваний за подписью «беспартийных», в которых студенты призывались присту-

---

³⁴ Джапаридзе К.И. Из революционного прошлого томского студенчества // Путь борьбы. Вып. 1. Томск, 1923. С. 57.

³⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 16-17.

³⁶ Завадский Н.Г. Указ. соч. С. 127.

пить к занятиям, и перечислялся ряд «пожеланий» академического толка, адресованных Совету профессоров³⁷.

Наличие среди томских студентов противников забастовки привело к тому, что занятия в местных вузах практически не прерывались, хотя и шли «при малом количестве студентов», а остальные шумом мешали их проведению³⁸. Так, например, по данным, поступавшим прокурору Омской судебной палаты, в Томском университете бастовали, в основном, студенты 1 и 2 курсов. Старшие курсы продолжали учиться, но «порядок нарушался освистыванием занимавшихся и криками «стыдно»³⁹. 3 февраля 1911 г. в университете был установлен вход по студенческим билетам и запись входивших. После этого количество посещающих занятия резко возросло. Как сообщалось прокурору, «занятия настолько наладились, что забастовку можно было считать провалившейся»⁴⁰. Несмотря на это, в университете по-прежнему появлялись прокламации с призывом к забастовке. В одной из них активные противники стачки выделялись в группу «боевых академистов» и заявлялось, что все, кто продолжает посещать лекции будут считаться таковыми. В этой же прокламации говорилось, что теперь стачечный комитет «примет все меры к проведению забастовки в университете, не считаясь ни с какими голосованиями по курсам и выступлениями отдельных групп»⁴¹.

В условиях фактического срыва решения о забастовке, принятого на сходках в Томском технологическом институте и Томском университете, среди ряда членов стачечных комитетов вузов и определенной части студенчества усилилось стремление к радикальным действиям. Невозможность повлиять на противников забастовки иными средствами привела к тому, что 7 февраля 1911 г. в здании университета были разбиты склянки с сильно пахнущей жидкостью. 21 февраля 1911 г. химическая обструкция была проведена одновременно в зданиях университета и технологического института, причем в них начался пожар, в результате которого здание технологического института значительно пострадало⁴². Подобные действия наносили вред самому студенческому движению, поскольку дискредитировали его в глазах общественности и способствовали усилению позиций академистов в среде вузовской молодежи.

Подавляющее большинство томских студентов отнеслось к обструкции резко отрицательно. В университете сразу же был переизбран стачечный комитет, который призвал студентов приступить к занятиям, мотивируя это тем, что забастовка уже сорвана, и общество

³⁷ Омский телеграф. 1911. 26 янв.

³⁸ Сибирская жизнь. 1911. 21 янв.

³⁹ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 21.

⁴⁰ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 21.

⁴¹ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 21.

⁴² Сибирская жизнь. 1911. 8 февр., 22 февр.; ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 18-19.

не поддерживает студентов. 31 марта 1911 г. стачечный комитет Томского технологического института четырьмя голосами против двух также вынес решение о завершении забастовки⁴³.

Академисты не замедлили использовать факт поджога учебных заведений в своих целях. По мнению столичного журнала «Вестник студенческой жизни», пожар в томских вузах был устроен «в отместку «академистам», чтобы помешать им заниматься»⁴⁴. Томские корпоранты, в свою очередь, немедленно выразили «глубокое негодование» по поводу пожара и обвинили во всем либеральную профессию, «допустившую такое безобразие в стенах института»⁴⁵. При проведении следствия по этому поводу студенты-академисты активно сотрудничали с органами полиции и охотно давали показания. Например, в деле о поджоге зданий университета и технологического института, находившемся в производстве прокурора Омской судебной палаты, имеются ссылки на показания академистов Николаева и Филиппова о составе и действиях стачечного комитета⁴⁶. Эта деятельность студентов-академистов была высоко оценена властями, постоянно подчеркивавшими, что академический союз ставит своей целью «противодействие забастовочному движению»⁴⁷. В политическом обзоре Томской губернии за 1911-1912 гг. особо отмечалось: «Немалую услугу к восстановлению нормального течения академической жизни технологического института и в борьбе за прекращение забастовки оказала академическая корпорация его. Справедливую оценку бессмысленному и позорному поступку, как поджог институтских зданий, она дала в своем воззвании...»⁴⁸.

Возмутительный факт поджога получил широкий общественный резонанс и во многом был на руку правым монархистам, поскольку так или иначе способствовал реализации их программных установок. В частности, член Государственной думы черносотенец В. Образцов использовал события в Томске для заявления с думской трибуны о том, что «такая мерзость как «химическая обструкция» не могла прийти в голову ни одному русскому студенту». По мнению выступавшего, это было «специальное изобретение жидовства», и в поджоге Томского университета непосредственно участвовали «жидовки» Хая Аворбух и Лия Кравец. Вывод, сделанный Образцовым, был вполне традиционен – во всем виноваты «жиды и кадеты»: «Вон их из русской школы! И да здравствует благородное студенчество в благородном университете!»⁴⁹.

Орган Томского отдела Союза русского народа газета «Сибирская правда» на своих страницах печатала слухи о том, что студенты-поджигатели хотели взорвать технологи-

⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 32; Сибирская жизнь. 1911. 22 февр., 1 апр.

⁴⁴ Вестник студенческой жизни. 1911. № 6-7. С. 28.

⁴⁵ Омский телеграф. 1911. 25 февр.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 52-53.

⁴⁷ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 163. Л. 52.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 31.

⁴⁹ Образцов В. Подкуп и провокация – источники университетских беспорядков. Харьков, 1912. С. 26.

ский институт, а академистов обливать кислотой за их желание учиться⁵⁰. Поддерживая академистов, начальник Томского губернского жандармского управления просил попечителя Западно-Сибирского учебного округа оказать этой студенческой организации всемерную поддержку и прилагал список группы (65 человек), «чтобы кого-то случайно не исключить»⁵¹.

Противники академистов в студенческой среде, напротив, связывали пожар в институте с деятельностью корпорантов. Так, студент Н. Зудов заявил, что поджог технологического института «был произведен, несомненно, академистами»⁵². Почвой для подобных высказываний было такое же стремление к радикальным действиям со стороны представителей право-монархического крыла, в котором они обвиняли сторонников левых партий.

Пожар стал поводом для дальнейшего усиления противостояния академистов как всему студенчеству, так и профессорско-преподавательскому составу томских вузов. Председатель томской академической корпорации студент-технолог П. Сабунин, выступая на собрании ее членов 27 февраля 1911 г., в частности, отмечал: «Профессура относится к деятельности вновь возникшей корпорации отрицательно. Очевидно деятельность стачечного комитета им ближе, так как забастовка студентов освобождает профессоров от занятий, не лишая в то же время права на получение определенного жалования»⁵³. Академисты прямо упрекали преподавателей в поддержке забастовщиков. Например, преподаватель технологического института Введенский обвинялся ими в том, что во время забастовки он сказал пришедшим на занятия студентам: «Чего вы лезете со своими работами, когда все другие студенты бастуют»⁵⁴.

В связи с этим корпоранты писали в столичное Общество содействия академической жизни высших учебных заведений: «Профессура института, обошедшая полным молчанием известный факт возмутительнейшего пожара в институте, считает позором, что в стенах института появились академисты»⁵⁵. В этом же письме авторами делался пессимистичный вывод: «Естественно, что при таких условиях академическая корпорация не может рассчитывать на широкое развитие своей деятельности... Если бы не появление в Томске министерской ревизии..., то можно было бы сказать, что академическая корпорация была бы раздавлена профессурой»⁵⁶.

Критиковал томских профессоров и выходивший в Петербурге академический журнал «Вестник студенческой жизни». В 1912 г. им была перепечатана статья из «Нового времени» под заголовком «Фальсификация высшего образования» о делах в Томском технологическом

⁵⁰ Сибирская правда. 1911. 5 марта.

⁵¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2588. Л. 62.

⁵² ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71.

⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 73.

⁵⁴ Краткий очерк деятельности... С. 113.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 16.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 16.

институте. В статье указывалось, что в отношении студенческих беспорядков, политических волнений, забастовок и преступлений (например, поджог институтского здания) томский вуз побил все рекорды. Журнал объяснял это порядками и системой преподавания, заведенной профессорами: студенты вольно слушают сокращенный курс лекций, мало занимаются. В статье звучала традиционная критика кадетов⁵⁷. Академическое издание по сути вторило традиционным высказываниям право-монархической прессы и ранее получавшим отражение на страницах печати. Так, например, еще в 1907 г. сибирская газета «Томские губернские ведомости» писала о том, что «наши высшие учебные заведения служат притонами террористов», а студенты при «малодушии» профессоров «открыли двери перед всякой шушерой, перед темным сбродом»⁵⁸. Подобные заявления давали повод крайне правым в очередной раз повторить свой лозунг: «Школа вне политики».

Это мнение разделял и известный черносотенец В. Образцов, который, выступая на заседании Государственной думы, утверждал, что «подстрекательство и агитация между студентами идет также из среды профессоров»⁵⁹. Вывод автора также был вполне очевиден: «Университет есть храм науки, в нем не должно быть партий. Если студент всецело отдается учению, а профессор науке, то у них не должно оставаться времени на другие дела»⁶⁰.

Таким образом, противостояние академистов и преподавательского состава вузов во многом объяснялось нежеланием кадетствующей профессуры сотрудничать с черносотенными организациями.

Понимая, что Совет Томского технологического института крайне негативно относится к деятельности академической корпорации, ее члены фактически доносили на профессоров и преподавателей в Министерство народного просвещения. Так, предлагая Совету изменить «академические условия» в институте и назначить дополнительный срок сдачи экзаменов в марте 1911 г. вместо несостоявшегося из-за забастовки в декабре 1910 г., корпоранты в случае отказа фактически угрожали жалобой властям. В письме Совету в феврале 1911 г. они указывали: «Если Совет профессоров не найдет возможным до конца 1910-1911 учебного года удовлетворить ходатайство о пересмотре программы и общей постановки учебного дела, то мы покорнейше просим Совет профессоров испросить у г. Министра народного просвещения принять летом 1911 г. депутацию от студентов нашего института для представления материала, касающегося общей постановки учебного дела в Томском технологическом институте»⁶¹. Совет института по этому поводу заявил, что корпорация, как организация посторонняя этому учебному заведению, в министерство жаловаться не может.

⁵⁷ Вестник студенческой жизни. 1912. № 4-5. С. 31-32.

⁵⁸ Томские губернские ведомости. 1907. № 20.

⁵⁹ Образцов В. Указ. соч. С. 6.

⁶⁰ Образцов В. Указ. соч. С. 13.

⁶¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71.

В дальнейшем, после завершения забастовки в Томске, академическая корпорация студентов-технологов, как и подобные организации в центре страны, сосредоточила свое внимание на экономической помощи своим членам и привлечении к себе сторонников именно через материальную поддержку. Но такого размаха деятельности как в столице у томских академистов не было. Томские корпоранты пытались создать Бюро труда для академистов. В ноябре 1911 г. они обратились в столичное Общество содействия академической жизни вузов с жалобами на отсутствие средств и просьбой помочь деньгами на библиотеку, а также определить членов корпорации на летнюю платную практику⁶². Вероятно, материальная помощь была оказана, так как в 1912 г. сибирская печать сообщала об открытии 2 марта читальни томской академической корпорации. В опубликованной по этому поводу заметке особо подчеркивалось, что из профессоров университета и технологического института на открытии никто не присутствовал⁶³.

На связь томских корпорантов с подобными столичными организациями и их стремление действовать в общем русле академического движения указывает факт участия томских академистов в деятельности первого Всероссийского академического съезда. Съезд проходил в марте 1912 г., на нем присутствовали делегации 19 академических черносотенных организаций. 14 марта 1912 г. участники съезда были представлены императору. В их числе находились и студенты Томского технологического института Н. Голубов, В. Крохалев, С. Куров, А. Телегин⁶⁴.

Что же представляла собой в то время академическая корпорация томских студентов-технологов? По данным на 1911-1912 учебный год в ней состояло 50 действительных членов. Председателем правления являлся Б.Н. Тюльпанов, товарищем председателя – Н.М. Голубов. В состав руководства корпорации входили также 2 члена правления, 5 кандидатов в члены правления, 3 члена ревизионной комиссии, секретарь, казначей и библиотекарь⁶⁵. Столичный журнал «Вестник студенческой жизни» в 1912 г. называл организацию томских академистов в числе «крепких и сильных академических союзов»⁶⁶, но был ли он на самом деле таким? Протоколы собраний академической корпорации за 1911-1912 учебный год показывают, что за год из числа академистов выбыли 18 человек (из них 6 выбыли из института вообще, 12 – вышли из корпорации по собственному желанию), а вступило только 2⁶⁷. В то же время удельный вес академистов на протяжении рассматриваемого периода не превышал 4-5 % от общей численности студентов Томского технологического института⁶⁸, и это в по-

⁶² ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 16.

⁶³ Омский вестник. 1912. 8 марта.

⁶⁴ Вестник студенческой жизни. 1912. № 7-8. С. 17.

⁶⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 13-14.

⁶⁶ Вестник студенческой жизни. 1912. № 7-8. С. 7.

⁶⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2671. Л. 13-14.

⁶⁸ Подсчет автора.

ощряемой правительством организации. В данном случае, конечно, следует учитывать, что значимость какой-либо группы определяется не только ее количественным составом, а в большей мере связана со степенью ее влияния в студенческой среде. Но, как было показано ранее, отношение и студентов, и профессоров к академической корпорации было чаще всего негативным.

Дальнейшие события и последовавший за ними фактический раскол томской академической корпорации вовсе ослабили роль академистов в студенческом движении. Поводом к ним послужила публикация в апреле 1912 г. в газете «Сибирская жизнь» заметки об академистах г. Юрьева и стихов воспитанницы Донского института благородных девиц. Обе заметки носили характер фельетона. На следующий день (16 апреля 1912 г.) в редакцию явилась группа студентов-академистов Томского технологического института, которые потребовали напечатать дополнение, что заметка об академистах не относится к членам томской академической корпорации и извинение по поводу заметки об институте благородных девиц, так как там воспитывалась сестра одного из них (возможно, Н. Голубова. – О.И.). В редакции пытались доказать, что опровержение напечатать невозможно, но один из академистов – Голубов, дважды ударил члена редколлегии М.Р. Бейлина палкой по голове и был удержан от дальнейших действий своими товарищами и сотрудниками газеты. При этом сам Голубов заявил: «Честь академической корпорации и дворянского собрания защищается шпагой или дубиной!»⁶⁹.

Следует отметить, что произошедший конфликт имел под собой более глубокие основания. Томские академисты и ранее высказывали претензии к «Сибирской жизни» как газете конституционно-демократического направления. Так, например, в феврале 1911 г., во время проведения студенческой забастовки, в ходатайстве академической корпорации перед Советом профессоров Томского технологического института было высказано мнение о том, что «Сибирская жизнь» неправильно освещает события в институте, сознательно занижая во много раз число занимающихся и тем самым снижает роль академистов в глазах общества⁷⁰. В это же время на собрании членов академической корпорации в числе прочих обсуждался вопрос об искажении фактов возникновения и деятельности корпорации на страницах «Сибирской жизни». Было решено предъявить газете гражданский иск, а пришедшего репортера газеты на собрание не пустили⁷¹. В этом вопросе академисты следовали примеру своих покровителей – черносотенцев, отношение которых к либеральному изданию традиционно оставалось негативным. Об этом свидетельствует, в частности, ходатайство Томского отдела Союза русского народа перед министрами внутренних дел и юстиции в апреле 1910 г. о воз-

⁶⁹ Сибирские вопросы. 1912. № 14. С. 46-50.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 71.

⁷¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1156. Л. 73.

буждении уголовного дела против редакторов «Сибирской жизни» профессоров Томского университета кадетов И.А. Малиновского и М.Н. Соболева за их «левую агитацию». В результате оба профессора были вынуждены покинуть университет⁷².

Ничтожный повод привел к серьезному инциденту, названному на страницах сибирской печати «избиением Бейлина», «погромом в редакции «Сибирской жизни», и вызвал широкий общественный резонанс. Протест против действий Голубова выразили как томские преподаватели и студенты, так и другие представители местной интеллигенции. Данный конфликт отразил отношение сибирской общественности к черносотенно-монархическому движению вообще, поскольку он был воспринят как наступление правых националистов на либеральное издание, проявление традиционного для черносотенцев антисемитизма и стремление монархистов к радикальным действиям для достижения собственных целей, не считаясь с общественным мнением.

Наиболее отчетливо неприятие академизма как одной из составных частей охранительно-монархического движения нашло свое выражение в заявлении профессора Томского технологического института Н.М. Кижнера, опубликованном на страницах сибирской печати. В нем Кижнер, в частности, указывал: «Выражая свое сочувствие М.Р. Бейлину..., я в то же самое время думаю, что оскорблен не сам М.Р. Бейлин..., сколько высшая школа, в которой появилась эта гнойная язва студенческой жизни, язва, которая имеет дерзость назвать себя академической корпорацией; то, что теперь называется академизмом, разве это академизм в истинном смысле этого слова? С этим словом связывается не представление о студенте, преданном науке, а о погромщике с... дубиной в руке, а иногда и с револьвером... Но я верю, что с мраком нашей жизни исчезнет и псевдоакадемизм из высшей школы»⁷³.

Подобную точку зрения разделяли и другие преподаватели. Однако им был послан запрос попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева с вопросами: почему они усмотрели в поступке Голубова действия всей корпорации академистов? почему данный инцидент рассматривается как насилие над свободой печатного слова? протестовали бы они, если бы насилие было совершено над другим представителем печати?⁷⁴ Либеральные газеты писали по этому поводу, что, возможно, преподавателям грозит отставка. Их предположения оправдались. Попечитель Л.И. Лаврентьев действительно предложил профессору Н.М. Кижнеру подать в отставку, причем сделано это было в резком тоне, с выражениями типа: «Как вы смели выступать с осуждением академистов?». А Министерством народного

⁷² Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905г. – февраль 1917 г.). Омск, 1999. С. 65.

⁷³ Омский вестник. 1912. 16 мая.

⁷⁴ Омский вестник. 1912. 16 мая.

просвещения Кижнеру было предложено перевестись в другой вуз, «где нет ненавистных ему академистов»⁷⁵.

На поддержку Голубова со стороны руководства учебного округа указывал и журнал «Сибирские вопросы», поместивший на своих страницах фельетон «Отрадные мысли», где поведение Голубова в редакции «Сибирской жизни» сравнивалось с поведением самого Лаврентьева, оскорбившего профессоров Томского технологического института. В статье с иронией отмечалось: «Заветы старых бережно берет в свои руки молодежь. По славному пути господ Лаврентьевых идут господа Голубовы!»⁷⁶. Поддержку Лаврентьевым академистов «Сибирские вопросы» объясняли их обоюдной близостью к идеям Союза русского народа. Так, публикуя материалы о деятельности черносотенных организаций в Сибири, журнал писал: «Лучшего союзника чем наш попечитель Лаврентьев не сыщешь. Его деятельность характеризуется разгромом технологического института,... и разгромом университета, выразившемся в поголовном бегстве всех наиболее способных профессоров и массовым исключением студентов»⁷⁷.

Вместе с тем, на стороне Голубова выступила не только администрация Западно-Сибирского учебного округа и Министерство народного просвещения, но и представители непосредственных вдохновителей академического движения – право-монархических партий. В частности, руководитель Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевич прислал в Томск телеграмму следующего содержания: «Дорогой Голубов! Примите сердечный привет и горячие пожелания от старшего собрата за вычку Бейлина. Хулиганствующий тип современной печати способен понимать одну только палку»⁷⁸.

Однако несмотря на столь мощную поддержку поступок Н. Голубова вызвал протест даже со стороны членов самой академической корпорации студентов технологического института, опубликовавших 20 апреля 1912 г. заявление по этому поводу в газете «Сибирская жизнь». В нем сообщалось об исключении Голубова из числа членов корпорации, заявлялось о непричастности других академистов к его поступку, а ответственность за совершенные действия возлагалась только на самого Голубова⁷⁹. Инцидент в «Сибирской жизни» привел к расколу в рядах академической корпорации, о чем свидетельствует письмо в газету ее бывших членов – студентов технологического института А. Телегина, В. Деболи, Г. Зузинова, В. Федорова, где указывалось, что они, невзирая ни на что, поддерживают девиз «Школа только для науки», но поскольку в руководстве корпорацией стоят люди, которые не подчиняются решениям общего собрания, указанная группа вышла из корпорации. Члены груп-

⁷⁵ Омский вестник. 1912. 11 мая, 17 мая.

⁷⁶ Сибирские вопросы. 1912. № 14. С. 86.

⁷⁷ Сибирские вопросы. 1912. № 11-12. С. 55.

⁷⁸ Цит. по: Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910-1914 гг.). Томск, 1989. С. 203.

пы отмечали, что из-за поступка Голубова нельзя очернять академизм вообще, и они приветствуют «чистый академизм», который «лишен политического характера и чужд насилью»⁸⁰.

Таким образом, избиение Бейлина способствовало расколу в рядах томских академистов, стало поводом для осуждения академизма в целом и еще раз показало наличие серьезных противоречий между властью и обществом, которые так неоднозначно оценили поступок распоясавшегося студента. В дальнейшем дело самого Голубова было передано дисциплинарному суду Томского технологического института, но осталось незавершенным в силу отъезда студента из Томска. И, поскольку, Н. Голубов был, пожалуй, наиболее яркой фигурой среди томских академистов, следует остановиться на характеристике его личности более подробно, так как в ней могли найти свое отражение типичные черты студента-монархиста той эпохи.

Ранее исследователями, прямо или косвенно затрагивавшими деятельность академической корпорации в Томске, особо подчеркивалось, что у ее истоков стояли такие деятели, как дворянин Н. Голубов и сын жандармского полковника В. Деболи⁸¹. На этом основании академические организации рассматривались как состоящие преимущественно из детей дворян, то есть выходцев из наиболее богатого и консервативного слоя. В этой связи типичной для академика представляется биография студента инженерно-строительного отделения Томского технологического института Всеволода Деболи. В. Деболи окончил Томское реальное училище и поступил в институт в период сильных студенческих волнений 1907 г. Его отец действительно служил начальником полицейского управления Сибирской железной дороги⁸². Таким образом, с формальной точки зрения дворянское происхождение Деболи, положение его отца, среда, обстановка, воспитание – все это обусловило приход студента в ряды академической корпорации.

Но, как отмечает историк В.Р. Лейкина-Свирская, в начале XX в. «сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по своему социальному положению, в том числе деклассированных дворян – фактических разночинцев»⁸³. Вывод исследователя подтверждают и материалы личного дела упоминавшегося выше студента технологического института Н. Голубова, хранящиеся в Государственном архиве Томской области. Из личного дела Н. Голубова следует, что в 1899 г. он окончил Донской кадетский корпус, в 1902 г. – Казанское химико-технологическое училище, служил. В 1907 г. в возрасте

⁷⁹ Сибирская жизнь. 1912. 20 апр.

⁸⁰ Сибирская жизнь. 1912. 21 апр.

⁸¹ См. напр.: Корнякова А.В. Руководство томских социал-демократов студенческим движением в период реакции (1907-1910 гг.) // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке (1903-1917 гг.). Томск, 1980. С. 151.

⁸² ГАТО. Ф. 194. Оп. 2. Д. 140. Л. 28.

⁸³ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1907-1917 гг. М., 1981. С. 60.

26 лет поступил в Томский технологический институт на горное отделение. В материалах дела сохранилось ходатайство его отца, потомственного дворянина М.М. Голубова, о выделении его сыну в 1910 г. стипендии, так как «никакого имущества и средств» он не имел⁸⁴. Всего же в течение пребывания Н. Голубова в институте с 1907 г. по 1912 г. он трижды исключался из вуза по причине невзноса платы за обучение и дважды за неуспеваемость⁸⁵.

Таким образом, не материальное положение, а скорее осознание своей принадлежности к дворянству как высшему сословию империи, верноподданнические настроения и приверженность монархической идее определяли мировоззрение академика. Следует добавить, что Н. Голубов являлся выпускником кадетского корпуса, а в подобных учебных заведениях, как известно, большое значение придавалось религиозному, патриотическому, нравственному воспитанию. К тому же ко времени описываемых событий (1910-1912 гг.) Голубову было уже около 30 лет. Он был гораздо старше многих своих соучеников, то есть это был человек со сложившимися взглядами, неприятие которого мог вызвать левый радикализм более молодых студентов. К тому же, вероятно, человек это был вспыльчивый и увлекающийся. На страницах печатных изданий он именовался как «известный скандалист Голубов»⁸⁶. О многом говорит и тот факт, что в ноябре 1912 г. он был отчислен из института по собственному прошению для участия в болгаро-турецкой войне⁸⁷. Скорее всего не только боязнь наказания за погром, учиненный в редакции «Сибирской жизни», но и идеи защиты православия, помощи братьям-славянам подвинули студента на этот шаг.

В дальнейшем, после событий апреля 1912 г., деятельность академистов в Томске проявлялась крайне слабо. Даже в материалах, исходящих от самих студентов, академики упоминались только в связи с их антизабастовочными действиями. Так, например, 18 марта 1913 г. в Томском университете были разбросаны воззвания с призывом к однодневной забастовке 19 марта в знак протеста против закрытия Военно-медицинской академии в Петербурге. "Докажем, товарищи, что нам всем дороги интересы высшей школы! - говорилось в них. - Поддержим честь студенчества и будем твердо стоять на своем, невзирая на ту жалкую кучку отбросов студенчества, именующую себя "академистами"⁸⁸.

Об окончательной дискредитации академистов в среде вузовской молодежи свидетельствует и перехваченное полицией весной 1913 г. письмо студента-технолога С. Чухланцева, где, в частности, говорилось: «Я спрашивал нескольких типов: «Пойдете завтра в институт?» и от всех слышал ответ: «Я не хочу быть академистом». Из этого я заключаю, что многие не пойдут в институт не из простого сочувствия или протеста, а просто из того, что боятся про-

⁸⁴ ГАТО. Ф. 194. Оп. 3. Д. 227. Л. 10.

⁸⁵ ГАТО. Ф. 194. Оп. 3. Д. 227. Л. 13.

⁸⁶ Сибирские вопросы. 1912. № 14. С. 46-50.

⁸⁷ ГАТО. Ф. 194. Оп. 3. Д. 227. Л. 13.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1913. Д. 59. Ч. 81. Л. 3; ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 402. Л. 76.

слыть «академистом», то есть правым. Иные прямо высказывались против забастовки, мотивируя, что им нет никакого дела до питерских студентов, а между тем в институт не пошли. Вот насколько грозным и страшным является слово «академист»⁸⁹.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война практически выбила почву из под ног право-монархических партий. Их традиционные лозунги и призывы поддержки самодержавия, защиты Отечества и пр. существенно померкли на фоне мощного патриотического подъема в стране. В годы войны томская академическая корпорация наряду с другими объединениями академистов страны практически бездействовали.

Таким образом, в заключение следует отметить, что история существования академической корпорации в Томске отразила в себе как наличие существенного размежевания в студенческой среде в начале XX в., так и заметные попытки право-монархических организаций расширить свое влияние на эту категорию населения. Но на протяжении всего рассматриваемого периода степень воздействия черносотенцев на молодежь оставалась незначительной, а отношение к проводникам их политики – академистам, было чаще всего враждебным.

---

⁸⁹ ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1913. Д. 59. Ч. 81. Лит. Б. Л. 4.